

**Современная политическая экономика
в контексте социальной философии**

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-8-72-90

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

**Ноономика. Опыт творческого развития
идей С.Д. Бодрунова**

С.В. Шачин

*Мурманский арктический государственный университет,
Мурманск, Россия*

Аннотация

Статья излагает основные положения теории ноономики С.Д. Бодрунова, сформулированные в его книге «Ноономика», и синтезирует их с ведущими теориями лидеров Франкфуртской школы – Ю. Хабермаса и А. Хоннета. Под ноономикой понимается новая стадия развития общества в целом, в котором произойдет вытеснение человека из материального производства, что даст возможность каждому свободно развивать свои творческие силы. Однако на пути к ноономике человечеству надо избежать срыва в состояние «цифрового концлагеря», что возможно только путем трансформации самой человеческой природы, перехода «от зоо к ноо». Это подразумевает синтез науки и культуры и высшую ценность нравственного самосовершенствования для каждого человека. Поэтому именно развитие разума человека позволит осуществить переход к ноономике. Именно исследование содержания и возможностей разума позволит творчески развить теорию ноономики путем привлечения концепции коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса и новой теории социализма А. Хоннета. Коммуникативная рациональность есть особая способность, посредством которой возможно достижение взаимопонимания между представителями конфликтующих общественных классов и выработка универсальных норм деятельности, позволяющих обеспечить устойчивое развитие общества в целом. Данная способность может развиваться в рамках особой институциональной среды, основанной на солидарной деятельности. В ней каждый человек будет рассматривать успешную реализацию планов других в качестве условия возможности осуществления своих планов. Эта среда будет реализацией свободы в ее социальной форме. В рамках солидарной деятельности возникают новые универсальные смыслы общественного развития, которые сумеет сформулировать коммуникативная общественность. Далее эти смыслы заменят

существующие, ориентированные на прибыль и неограниченный экономический рост, и тем самым преобразуют сложившуюся институциональную систему.

Ключевые слова: ноономика, теоретический разум, практический разум, коммуникативный разум, коллективное благо, социальная свобода.

Шачин Святослав Вячеславович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета.

s_shachin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3959-5585>

Для цитирования: Шачин С.В. Ноономика. Опыт творческого развития идей С.Д. Бодрунова // Философские науки. 2020. Т. 63. № 8. С. 72–90. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-8-72-90

Noonomics. Experience of Creative Continuation of S.D. Bodrunov's Ideas

S.V. Shachin

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Abstract

The article presents the main provisions of S.D. Bodrunov's theory of noonomics and synthesizes them with the leading theories of the leaders of the Frankfurt school: Jürgen Habermas and Axel Honneth. Noonomics refers to a new stage in the development of society as a whole, in which people will be forced out of material production, which will allow everyone to freely develop their creative powers. However, on the way to noonomics, humanity must avoid falling into a state of “digital concentration camp,” which is possible only by transforming human nature itself, moving “from zoo- to noo-state.” This implies a synthesis of science and culture and the highest value of moral self-improvement for each person. Therefore, it is the development of the human mind that will allow the transition to noonomics. It is the study of the content and possibilities of the mind that will allow us to creatively develop the theory of noonomics by using J. Habermas's concept of communicative rationality and A. Honneth's new theory of socialism. Communicative rationality is a special capability which makes possible to achieve mutual understanding between representatives of conflicting social classes and develop universal norms of activity that allow for the sustainable development of society as a whole. This capability can be developed within a special institutional environment based on solidarity activities. Thus, each person will consider the successful implementation

of the plans of others as a condition for the possibility of implementing their plans. This network of social institutions based on solidarity activity will be the realization of freedom in its social form. Within the framework of solidarity activities, new universal meanings of social development arise, which the communicative community will be able to formulate. Further, these meanings will replace the existing ones, which are focused on profit and unlimited economic growth, and thus transform the existing institutional system.

Keywords: noonomics, theoretical reason, practical reason, communicative reason, collective good, social freedom.

Sviatoslav V. Shachin – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University.
s_shachin@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3959-5585>

For citation: Shachin S.V. (2020) Noonomics. Experience of Creative Continuation of S.D. Bodrunov's Ideas *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 8, pp. 72–90.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-8-72-90

Теория ноономики С.Д. Бодрунова

Автор теории ноономики С.Д. Бодрунов в своей одноименной монографии «Ноономика» проводит комплексный анализ тех качественных изменений не просто в экономике, но и во всех сферах общественной жизни и культуры, которые происходят с человечеством в настоящее время [Бодрунов 2018а, 2].

Ноономика определяется как «производство, основанное, во-первых, на вытеснении человека из непосредственного процесса производства через предельное повышение его знаниеинтенсивности, и во-вторых, на постановке этого производства под контроль человеческого разума, опирающегося на адекватный уровень культуры самого человека» [Бодрунов 2018а, 129]. Вся часть как бы подводит читателя к пониманию этого определения. Сначала автор анализирует изменения в индустриальном обществе и отмечает, что возникают две тенденции, которые на первый взгляд выглядят противоречащими друг другу: все большая концентрация капиталов и экономической власти собственников транснациональных корпораций до такой степени, что происходит манипулирование спросом и предложением в глобальном масштабе, с другой стороны, все большая децентрализация управления и формирование индивидуальных «электронных коттеджей», связанных между собой интернетом, т.е. реализуется сетевой принцип структурирования экономики и общества

[Бодрунов 2018а, 45–47]. Автор даже заостряет указанное противоречие и, обобщая реалии всемирного экономического кризиса, делает вывод о том, что «мы подошли к пределу эффективности существующей модели развития» [Бодрунов 2018а, 56]. Формируется новый технологический уклад, основанный на использовании NBICS-технологий, Бодрунов подчеркивает, что постоянное изменение технологий становится неотъемлемой частью самого производственного процесса, а это ведет к необходимости «интеграции науки, производства и образования» (именно под таким названием в Москве ежегодно проводятся Конгрессы работников образования и науки, где С.Д. Бодрунов – один из главных организаторов и спонсоров) [Бодрунов 2018а, 60]. Такая интеграция откроет возможность образования в течение всей жизни (тут Бодрунов опирается на идеи еще одного из лидеров данного конгресса – О.Н. Смолина) [Бодрунов 2018а, 60]. Скрытые же формы экономического господства ведут к тому, что такая новая экономика сможет образоваться только в центре мирового капиталистического хозяйства, а периферия будет лишена доступа как к знаниям, так и к новому технологическому укладу, и от усилий россиян зависит, сумеют ли они пробиться в новую экономическую реальность или нет [Бодрунов 2018а, 66].

Повествуя о технологических предпосылках к новому этапу индустриального производства, С. Бодрунов отмечает, что удельный вес материальных затрат в общих издержках производства последовательно уменьшается, а удельный вес интеллектуальных затрат увеличивается, так что наступает момент качественного перехода, когда математические кривые, выражающие удельный вес описанных затрат, пересекаются, после чего готовый продукт становится как бы все более дематериализуемым, т.е. все более знаниеемким и менее материалоемким [Бодрунов 2018а, 72] (А.В. Бугалин в своих устных выступлениях метко называет этот график «крестом Бодрунова»). Итак, «именно знания станут главным ресурсом будущего времени» [Бодрунов 2018а, 73]. Описанные NBICS-технологии, усиливая друг друга, позволяют получать готовый продукт вместо дистриктивных (т.е. вычитающих, удаляющих лишнее) производственных технологий (обрезок, спиливаний, стачивания исходных заготовок) противоположными технологиями, позволяющими совершить сборку продукта из элементов путем объединения разных материалов или даже наращивания слоя за слоем [Бодрунов 2018а, 82]. На основе этого анализа Бодрунов уточняет, что основой экономики XXI века является комплекс из высокотехнологического материального

производства, науки и культуры в единстве с образованием, формирующим человека, владеющего знаниями и способного применить их в производстве [Бодрунов 2018а, 87].

Общество, которое возникает на основе описанных качественных изменений в экономике, С.Д. Бодрунов называет НИО-2 (т.е. новым индустриальным обществом второго поколения, первым же поколением было общество, описанное в знаменитой книге Д. Гэлбрейта). Прежде всего в этом обществе человек не просто будет освобожден от использования физической силы в процессе производства, но сумеет все больше выходить вообще за пределы производства, то есть все базовые физиологические потребности человека будут удовлетворены, и отпадет необходимость работать ради выживания; само же производство будет во все большей степени передаваться автономно функционирующим комплексам, производящим готовый продукт без вмешательства человека (последнее будет требоваться только в случае нарушений или аварий) [Бодрунов 2018а, 91–93]. В этой связи уже сегодня раздаются тревожные голоса о том, что рабочие места станут прогрессирующим дефицитом, вплоть до ситуации, когда само наличие работы будет важной социальной привилегией. С. Бодрунов склоняется к тому, что высвободившиеся из материального производства люди найдут себя в сфере науки, образования и творчества в целом, поскольку именно развитие этой сферы позволит формировать нового человека, который будет способен сначала создать НИО-2, а затем и справиться с его вызовами [Бодрунов 2018а, 100–101]. Одним из таких вызовов является необходимость качественного изменения человеческих потребностей: необходимо во все более возрастающей мере ставить виталические потребности под контроль высокой культуры, чтобы не допустить культа сверхпотребления в глобальном масштабе, для которого на Земле уже сейчас недостаточно природных ресурсов [Бодрунов 2018а, 104–105]. Эту мысль нельзя понимать примитивно в смысле искусственного ограничения удовлетворения потребностей, так как это удовлетворение всегда было главным драйвером экономического развития. Имеется в виду ограничение именно «неоптимальности действий, девиантности человека в процессе удовлетворения своих потребностей» [Бодрунов 2018а, 108]; автор книги даже высказывает утверждения о том, что человек должен становиться все более духовным, что в процессе воспитания потребуются «вливать в него сакральные духовные знания» [Бодрунов 2018а, 109], что позволит сгладить будущие конфликты, связанные с повышением доступности знаний, а также с изменением природы материаль-

ного производства и всех производственных отношений в этом контексте [Бодрунов 2018а, 110–112].

В разделе «Ноосфера и ноопроизводство: новые технологии – вызов человеку и обществу» ее автор рассматривает проблему исходного выбора направления развития ноопроизводства, который встает перед человечеством: «либо поворот к человеку разумному; либо в тупик, в технотронное общество, где элита удовлетворяет безмерно растущие и преимущественно симулятивные потребности, а большинство занято в сфере обслуживания, которая все больше превращается в сферу *прислуживания* – с возможной утратой контроля за развитием техносферы» [Бодрунов 2018а, 118]. Выбор в позитивном направлении (то есть выбор в пользу становления ноосферы) предполагает прежде всего смену целевой установки развития: вместо примата количественных показателей должны возникнуть ориентиры качественного прогресса, предполагающего духовное развитие самого человека, а также развитие его способностей к общению [Бодрунов 2018а, 120–121]. Условием возможности такого позитивного выбора является достижение особого синтеза между наукой и культурой в том смысле, что наука будет получать все больше подлинных знаний о мире и о человеке в нем, а культура будет развивать самопознание человека и способствовать его нравственному самосовершенствованию [Бодрунов 2018а, 128]. Однако на пути к ноопроизводству и ноосферному обществу человечество вошло в фундаментальный кризис, причинами которого является растущее несоответствие между высокими темпами научно-технического прогресса и медленными изменениями в структуре социально-экономической системы [Бодрунов 2018а, 137]. Демо-социальные аспекты этого кризиса – как уже описанный дефицит рабочих мест, так и «недо-разумная» деятельность человека в технологической сфере, ведущая к техногенным катастрофам, нарастанию негативных побочных последствий от непродуманных изменений в производстве (например, продуктов питания, где массово применяются технологии генной инженерии) и мн. др. [Бодрунов 2018а, 138].

Далее С.Д. Бодрунов вводит два понятия, с помощью которых он обсуждает технологические предпосылки становления ноопроизводства: потенциал пенетрации, то есть мера способности различных технологий (особенно из разных составляющих NBICS-экономики) проникать друг в друга и взаимно друг друга усиливать, и рединесс (от английского *ready*, быть готовым), то есть готовность различных материальных производств и – шире – общества в целом к восприятию новых технологий и их внедре-

нию. Этот раздел книги важен для понимания следующего раздела, прямо посвященного нооэкономике. Тонкость в понимании этого понятия состоит в том, что нооэкономика уже не есть новая форма экономики, а есть нечто более универсальное, чем всего лишь экономика: нооэкономика охватывает не просто отношения между людьми в процессе производства, а «отношения по поводу ноопроизводства, развивающегося без прямого участия человека, но регулируемого и направляемого человеческим разумом» [Бодрунов 2018а, 167]. Бодрунов приходит к еще более сильному утверждению о том, что нооэкономика как хозяйственная система отличается от экономики отсутствием прямых отношений между людьми в процессе материального производства (эти отношения становятся опосредованными сложным комплексом всех общественных отношений, обеспечивающих описанное выше повышение потенциала пенетрации разных технологий и высокий редиесс к ним, по сути дела – теми отношениями между людьми, которые складываются в сфере науки, образования и культуры) [Бодрунов 2018а, 171]. В связи с этим изменяется природа общественных отношений в самой основе: все больше усиливается зависимость капиталиста от высокообразованного и креативного работника и уменьшается зависимость работника от капиталиста; расширяется пространство общественной собственности при уменьшении пространства собственности частной в связи с тем, что сами знания выступают в роли общедоступного блага, которое не уменьшается по мере его потребления, а наоборот – увеличивается [Бодрунов 2018а, 179]. Поэтому происходит смена самих принципов социальной стратификации: на место ранжирования по объему капитала (экономического и политического) встает распределение людей по уровню образования и шире – по уровню их творческих способностей, а также по силе их развития и саморазвития в целом [Бодрунов 2018а, 188–189]. Социальное неравенство при этом остается, но оно заключается теперь не в неравных возможностях удовлетворить свои потребности, а в неравных способностях воспринять те возможности, что открывает нооэкономика [Бодрунов 2018а, 193], т.е. в неравных способностях к саморазвитию, к преодолению искушения сверхпотребления, демонстративного потребления для подтверждения статуса, а также к решению экзистенциального вопроса о смысле своего существования в целом. Нообщество предполагает не просто формирование новой иерархии потребностей по сравнению с привычной для всех нас (выраженной в так называемой «пирамиде Маслоу»), а в новой иерархии ценностей как общества, так и само-

го человека в направлении высшей ценности творчества и самопознания, что предполагает в том числе и развитие способности сознательного самоограничения виталических потребностей как на уровне общества, так и каждым индивидом [Бодрунов 2018а, 211]. Также все больше будет стираться различие между профессиональной деятельностью и жизнью, между рабочим и свободным временем, а человек будет стремиться стать все более универсальным и в пределе – приобщиться к универсальному знанию [Бодрунов 2018а, 215]. Предвидя скепсис читателей, сошлемся на С. Бодрунова, что в переходный период к ноономике наиболее действенным будет не внешнее ограничение потребительства, а внутреннее самоограничение, которое будет определяться новым характером и содержанием деятельности человека и формирующимися на ее основе социальными отношениями [Бодрунов 2018а, 220]. Новый же человек, описанный в этом абзаце, является не пустым лозунгом, а необходимым элементом самого общества, позволяющим сохранить и развивать нообщество (если же человек останется прежним, то мы получаем «цифровой концлагерь»), а более глубокое обоснование самой природы нового человека и понимание путей перехода к нему потребует развития «когнитивных технологий» (что и позволяет гуманитариям разглядеть свое место в нообществе) [Бодрунов 2018а, 222–223].

В завершающем разделе книги «На пути к нооэкономике» описывается процесс становления нооэкономики как два последовательных эволюционных шага, на первом из которых происходит преобразование человеком своей биологической природы, а на втором – возвышение человека над техносферой и экономикой в целом, что подразумевает все большее подчинение разуму развития общества, причем сама рациональность при этом качественно трансформируется [Бодрунов 2018а, 226, 245–247]. Критерием экономического *развития* (С. Бодрунов подчеркивает, что именно оно должно прийти на смену экономическому *росту*) в ноономике является удовлетворение конкретных разумных потребностей человека [Бодрунов 2018а, 256–258]. Вопрос о том, как же конкретно надо понимать эту новую рациональность и что означают разумные потребности, С. Бодрунов оставляет открытым, лишь замечая, что разум намного шире, чем его узкое понимание в существующей сейчас экономической парадигме [Бодрунов 2018а, 263]. Также отмечается необходимость соединения технологической рациональности и того разума, что воплощен в культуре, поскольку именно «культурный код» позволяет установить качественные характеристики разумных потребностей и тех благ, что будут про-

изводиться и потребляться, а также именно на основе культуры могут быть завязаны новые отношения между людьми в процессе труда и общественной жизни в целом [Бодрунов 2018а, 296] – например, в экономических отношениях будут постепенно сниматься все посредники и «останутся прямые отношения людей и их потребностей» [Бодрунов 2018а, 267], регулируемые так называемыми «технологиями доверия» [Бодрунов 2018а, 268]. С. Бодрунов не исключает также и целенаправленное воздействие на эволюцию самого человека через эволюцию технологической среды, в которой будет протекать его существование, замену естественного отбора отбором технологическим [Бодрунов 2018а, 285].

Наконец, в последней главе, посвященной России, автор «Нономики» не просто акцентирует необходимость новой индустриализации, чтобы мы сумели вырваться из полупериферии и попасть в центр капиталистического мира, а необходимость содействия изменению самих принципов мирового хозяйства в направлении ноосферных [Бодрунов 2018а, 299]. У России есть короткое «окно возможностей» в период смены технологических укладов [Бодрунов 2018а, 307], но для этого в российской экономике должны быть совершены определенные изменения системного характера [Бодрунов 2018а, 310], связанные с возвращением к планированию [Бодрунов 2018а, 314], причем предполагающего сочетание разных видов планирования (директивного, селективного, индикативного, т.е. рекомендательного), а также сбалансированное сочетание плана и рынка [Бодрунов 2018а, 321]; с цифровизацией на основе единых стандартов для всех участников евразийской интеграции на постсоветском пространстве [Бодрунов 2018а, 315]; реализацией на новом уровне разработок прошлого, в частности, академика В.М. Глушкова о децентрализованной (распределенной) базе данных, предвосхитившей технологии блокчейна [Бодрунов 2018а, 320]. Именно это позволит нашему обществу сконцентрировать силы на самых передовых направлениях развития и строить нономику уже сейчас, даже и на узком сегменте [Бодрунов 2018а, 323]. Вероятно, усилия самого С.Д. Бодрунова по интеграции производства, науки и образования в рамках организации конгрессов работников образования и науки могут быть практической иллюстрацией последней мысли книги.

С.Д. Бодрунов разработал теорию нового экономического уклада, который, согласно автору, должен прийти на смену индустриальному капитализму. В рамках этого уклада материальное производство будет во все большей мере передаваться

автономным техническим системам и искусственному интеллекту [Бодрунов 2018а, 128–129, 149–151], знание должно стать более важной основой материального производства, причем постепенно значимость знания для готового продукта труда будет возрастать, а материально-вещественной составляющей – уменьшаться [Бодрунов 2018а, 78–79, 215; Бодрунов 2018б]. Из этого вытекает, что отношения собственности по поводу средств производства будут во все большей мере становиться незначимыми, на передний план в качестве критерия общественного положения человека будет выходить уровень его общего образования и самое главное – его креативности [Бодрунов 2018а, 105–108]. В результате должен возникнуть целый комплекс общественных конфликтов: прежде всего – между креативной элитой общества, имеющей доступ к качественному образованию и мотивацию к саморазвитию и деятельности на благо общественного целого; и остальным обществом, члены которого не научились творчеству или не имеют достаточных личностных способностей для него, а вместо этого стремятся к удовлетворению «симулятивных потребностей» (т.е. излишеств или потребностей, которые в принципе не могут быть удовлетворены, но могут сопровождаться растратой ресурсов) [Бодрунов 2018а, 187–196, 201–202, 209–212, 220–223]. Второй конфликт заключается в том, что прогрессирующее высвобождение работника из сферы материального производства приводит к увеличению свободного времени, однако при капитализме существует жесткая структура «работа на выживание – потребление в свободное время»; следовательно, большинство людей может развивать все более симулятивные потребности, расточающие ресурсы и делающие невозможным переход к ноономике, что может иметь своим последствием срыв человечества в ситуацию тотального рабства «техноцивилизации» [Бодрунов 2018а, 119, 213–215, 251].

Творческое продолжение теории ноономики

Развитие концепции С.Д. Бодрунова предлагается на базе следующих идей.

1. Наиболее четко связь между производством, наукой и образованием видна в том разделе книги, который посвящен проблеме взаимной проницаемости технологий [Бодрунов 2018а, 151–175]. Эта проблема может быть решена на основе того, что у разных технологий имеется общая теоретическая основа, восходящая к определенной научной парадигме познания мира. Если образовательная система будет ориентирована не на постижение прикладного знания, а на развитие разума теоретического, то люди сами смогут

увидеть общее в кажущихся разными технологиях, что приведет к эффекту проникновения и взаимоусиления разных технологий.

2. Проблема изменения человеческой природы может быть решена путем пробуждения в людях еще одной разумной способности – практического разума, который описал И. Кант. Как известно, практический разум отвечает на вопросы, что я должен желать, в отличие от разума теоретического, отвечающего на вопросы, что я могу знать. Следуя практическому разуму, человек оказывается способным уяснить моральный закон, который приводит человека к свободе, то есть к преодолению склонностей (безраздельной подверженности своей биологической природе без попытки ее облагораживания) и страстей как раковых опухолей разума. Поэтому ограничение стремлений каждого человека к безудержному потреблению, о котором пишет С. Бодрунов в своей книге – это только одна задача [Бодрунов 2018а, 211], которую следует решить для создания нового экономического уклада, так сказать, негативного порядка. Вторая задача носит позитивный характер – нравственное самосовершенствование, для чего необходимо создание системы нравственного воспитания в качестве необходимого элемента образования в ситуации перехода к ноономике. Существуют теории нравственного воспитания, и их анализ, а также их актуализация применительно к современной ситуации развития будут плодотворны в процессе реализации намерения творческого продолжения теории ноономики. (Этой теме, в частности, посвящена монография: [Шачина 2019].)

3. Общество сможет взять под контроль процесс материального производства в условиях ноономики путем развития т.н. коммуникативной общественности, т.е. сообщества людей, способных дискутировать о смыслах и перспективах общественного развития. Коммуникативная общественность есть творческая сила демократического правового государства, которое и является той институциональной системой, что сумеет реформировать капитализм в направлении его гуманизации. Следовательно, экономические отношения в ноономике должны быть устроены таким образом, чтобы способствовать развитию институтов коммуникативной общественности. (На эту тему имеется монография: [Шачин 2019].) Чтобы конкретизировать эту идею, необходимо согласовать друг с другом развитие сфер семьи, гражданского общества и государства как трех подсистем общества с целью высвобождения их разумного потенциала (каким образом это сделать – показал А. Хоннет в книге «Право свободы») (об этой книге см.: [Шачина, Шачин 2012]). Именно это положение может быть

ориентиром для планирования такого развития общества, которое приведет именно к ноономике, а не к «технокапитализму» (С. Бодрунов), при котором меньшинство будет максимально удовлетворять все более изощренные потребности, а остальные станут обслуживающим персоналом, способным преимущественно к неразумному потреблению в свободное время.

В целом развитие теории ноономики возможно на основе социально-философских идей Франкфуртской школы, поскольку в рамках последних разум может быть понят как так называемое «конкретное тождество», то есть как единство в многообразии различных форм разума и при взаимопроникновении их содержания, что не противоречит сохранению различий между этими формами и содержаниями. Это общее соображение будет конкретизировано путем привлечения некоторых идей Ю. Хабермаса и А. Хоннета.

Синтез теории ноономики и социальной философии Франкфуртской школы

Если мы связываем ноономику со знаниями, которые реализованы в технических системах, то мы для начала должны понять, какие именно знания могут быть предметом нашего анализа. Прежде всего речь идет о тех, которые дают экономическую эффективность, повышают производительность труда и увеличивают материальное благополучие общества в целом. Однако при дальнейших размышлениях возникает проблема, которая связана с тем, что человек даже в рамках отлаженно действующих технических систем испытывает психологический дискомфорт. Этот дискомфорт обусловлен тем, что социальные отношения становятся все более машиноподобными, все более овеществленными, поскольку в личности исключаются все те способности, которые не могут получить экономическую оценку. Тем самым человек начинает ориентироваться на текущее состояние экономической системы, забывая о том, что оно очень переменчиво, что развитие экономики происходит путем вытеснения кажущихся необходимыми профессий и технологий и появления новых, в том числе и казавшихся немислимыми. В результате у человека не остается личностных сил для осознания необходимости постоянного самосовершенствования, причем не просто в узко-профессиональном виде деятельности, но и совершенствования своих уникальных творческих способностей: человек готов будет ими пожертвовать ради того, чтобы быть экономически успешным здесь и сейчас, но упускает при этом свои будущие шансы [Rosa 2016].

Следовательно, экономическая эффективность не может иметь решающего голоса при определении вопроса об ориентирах разви-

тия ноономики, о чем также хорошо говорится в книге – например, в качестве ориентира может фигурировать развитие человеческого потенциала. Однако при этом мы начинаем опираться на совсем другое знание, которое уже не выразимо в категориях эффективности. Именно такое знание позволит избежать негативного сценария превращения общества в технократический или цифровой концлагерь. Чтобы получить это знание, люди должны поставить вопрос о своем месте в бытии и о смысле своей жизни, причем эти вопросы решаются как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Способны к такой постановке вопросов только люди, имеющие смелость следовать за своим собственным разумом, а не за расхожими стереотипами.

Проблема заключается в том, что развитие этой способности было очень востребовано на заре модернизации, когда надо было подвергнуть сомнению исходные положения средневекового мировоззрения, чтобы на смену религиозно-метафизической картине мира пришло просветительское мировоззрение. В настоящее время в силу прогресса знания и накопления информации, превосходящей человеческие способности к ее осмыслению, целостное мировоззрение становится огромной редкостью: отдельные профессионалы в лучшем случае способны ориентироваться в главных достижениях познания исключительно в своей узкой области, а за ее пределами не отличаются от дилетантов, которые воспринимают только информацию со стороны экспертных субкультур; остальное общество также находится во власти тех стереотипных представлений, которые продуцируются массовой культурой, в которое заложен механизм манипулирования массовым сознанием в качестве конститутивного момента. В конечном счете массовая культура формирует в личностях мотивационную готовность исполнять свои роли в капиталистических институтах, не представляя возможность альтернативной жизни и самостоятельного образа мыслей (см. об этом: [Honneth 2007, 7–8; Зиновьев 2004, 343–345, 550–553]). В настоящее время в обществе имеет место «вторичный традиционализм» [Habermas 2007, 509–516, в опоре на М. Вебера], т.е. стандартизация мировоззрения общества вокруг представлений о личной выгоде и «экономической эффективности», которые порождаются не столько самими индивидами, сколько системой образования, воспитания и массовой культурой. Однако у этих представлений отсутствуют надежные ценностные ориентиры помимо тех, которые навязываются обществу господствующими классами, т.е. по сути дела общество считает благом все то, что способствует накоплению капиталов

и их преумножению. Однако за этой логикой капиталистического развития может скрываться иррациональная воля к власти, причем это надо понимать сразу в комплексе смыслов: не только тривиальной жажды обогащения любой ценой и возбуждения страстного желания потребления в среде остального общества, но еще и стремления понимать всю реальность исключительно с позиции личной или общественной выгоды. Это неизбежно должно порождать примат социальной инженерии над попытками осмысления бытия и понимания надындивидуальных смыслов.

В этой связи возможность перехода к той ноономике, как она описана в книге С. Бодрунова, зависит от успешного формирования мышления, альтернативного тому, что поведет общество в мир, описанный авторами антиутопий (напр., А. Зиновьевым в книге «Глобальный человек»). Проявлением альтернативного мышления можно считать распространенные среди прогрессивных капиталистов представления о социальной ответственности бизнеса, причем не только применительно к узкой группе «своих» (сначала окружения, затем и всех сотрудников фирмы), но и в масштабе общества в целом. Однако этого недостаточно. Важно ориентироваться не на обозримую выгоду, которая может найти свое выражение в конкретных показателях рентабельности, а на отдаленные последствия деятельности капиталистических организаций и общества в целом: есть шанс, что в общественном сознании постепенно распространятся идеи устойчивого и сбалансированного развития. Однако и этого мало, поскольку все равно не ставится вопрос о ценностных ориентирах такого развития, не проблематизируется само понимание блага, характерное для современности (причем уход от такого обсуждения скрывается за ссылками на плюрализм понимания блага в рамках различных культур в условиях модерна и признанием равноправия таких ориентиров).

Именно в этом смысле требуется развитие гуманитарного познания ради выработки такой методологии, которая позволит соотнести друг с другом ценностные ориентиры различных культур, найти основания для их сближения и оставить в то же время плодотворные разногласия между этими ориентирами в том смысле, что разные культуры вправе порождать и реализовывать разные проекты общественного развития. Другими словами, требуется не формулирование новой идеологии глобализма, а развертывание полноценной дискуссии между представителями различных культурных сообществ. (Именно философская герменевтика Г.-Г. Гадамера обосновала возможности дискурса между представителями различных культур и народов и предложила метод

герменевтического «сплавления горизонтов», который может позволить получать общезначимые результаты в этом дискурсе: [Гадамер 1988, 447–453, 508–528].) Эти дискуссии не могут происходить по иерархическому принципу, в том смысле, что западный модернистский дискурс прав человека, демократии и т.п. должен быть распространен во всех культурах и сообществах; напротив, последний должен открыться для постижения коллективных опытов других культур, вплоть до проблематизации своих оснований [Habermas 1987, 588]. С.Д. Бодрунов также высказывает мысль о развитии новой рациональности в условиях становления ноономики: «*На самом деле наш разум, рацио – гораздо шире и богаче, чем те экономические пределы, в которые пытается нас загнать сегодняшняя экономическая парадигма*» [Бодрунов 2018а, 263]. Далее он отмечает, что при генезисе ноономики все большее развитие получают «*технологии доверия*», дающие возможность сотрудничества без посредников – это касается экономических отношений между людьми, в форме которых происходит удовлетворение потребностей» [Бодрунов 2018а, 269]. Следовательно, продолжая мысль автора, можно отметить диалектику снятия экономического посредничества при сохранении посредничества как такового, предполагающего смену его формы с экономической на герменевтическую. Поэтому содержание технологий доверия может быть конкретизировано в том смысле, что они будут способствовать установлению символических взаимосвязей между различными социальными стратами, в том числе отстоящими далеко друг от друга на иерархической лестнице по критериям собственности или власти: жизненные миры этих сообществ станут проницаемыми друг для друга, в результате будет возможным формирование мировоззрения, в котором будет иметь место опосредование конфликтующих позиций. Сам С. Бодрунов приводит в качестве примера поговорку «не в деньгах счастье». Мы можем представить диалог между бедным и богатым так: одна сторона покажет, сколько много радостей можно найти за пределами денежных отношений, а другая – поделится своим опытом разумного (а не расточительного) применения богатства. Все здесь описанное указывает на необходимость развития в человечестве нового гуманитарного знания, основанного на развитии герменевтических способностей (так мы конкретизируем идею С. Бодрунова о когнитивистике).

Следовательно, ноономика как особая стадия развития общества, предполагающая преодоление диктата экономической необходимости над человечеством в форме создания производ-

ственных систем, удовлетворяющих необходимые потребности общества в целом, будет иметь вторую составляющую, внеэкономическую: инструментальное знание должно быть дополнено таким знанием, которое будет получено путем развития коммуникативной способности. Это означает развитие практик дискуссий относительно ориентиров деятельности самих экономических субъектов, которые в нашу эпоху принимают форму транснациональных корпораций. Эти практики призвана инициировать коммуникативная общественность, сложившаяся как внутри самих корпораций, так и в обществе на основе организации сообществ потребителей производимых корпорациями товаров и услуг. В ходе этих практик предметом обсуждения будут такие нормы деятельности, которые учтут интересы как самих экономических субъектов, так и их потребителей, а также тех обществ, в которых происходит их деятельность. Самим экономическим субъектам тем самым будет предоставлена возможность получения устойчивого дохода в обозримой перспективе в силу того, что общество убедится в полезности их деятельности, ценой ограничения их стремления к получению быстрой прибыли за счет разрушения природной среды, социальной дезинтеграции сообществ и т.п. Сами специалисты из экономических субъектов сумеют тем самым вести осмысленную жизнь, а не просто будут выполнять профессиональный долг, основываясь исключительно на экономической мотивации. Само же общество при этом будет понимать основные принципы экономических технологий, основанные на прогрессе в теоретическом знании, что позволит распространиться подлинным образовательным практикам, которые в конечном итоге будут предоставлять экономическим субъектам высококвалифицированную рабочую силу, способную к постоянным инновациям.

Но мы можем видеть и другое, более глубокое, последствие распространения коммуникативного разума в обществе, чем выработку новых разумных социальных норм. В книге С. Бодрунова неоднократно воспроизводится знаменитая мысль К. Маркса о том, что главное богатство человеческого общества есть свободное время, которое следует использовать именно для саморазвития личности, а не прожигания согласно тем практикам манипулирования общественного сознания, которые предоставляет современная массовая культура [Бодрунов 2018а, 213, 216–217]. Под развитием в свободное время стоит понимать не только индивидуальное, но и коллективное развитие. Это означает формирование особой институциональной системы в рамках деятельности, основанной на солидарности между людьми в качестве конститутивного мо-

мента, определяющего устройство таких институтов. При этом уже при постановке целей своей деятельности каждый человек будет ориентироваться на других не просто как на тех, со стороны которых он может получить поддержку, но будет рассматривать успешную реализацию их планов в качестве условия возможности осуществления своих планов. На основе такого солидарного целеполагания может осуществляться такая деятельность, в ходе которой каждый ее участник будет понимать свой вклад в общее дело, что позволит ему осознавать себя как нужного остальным людям, как признанного и в качестве телесно-биологического существа, обладающего потребностями, что требуют удовлетворения, и в качестве социального существа, обладающего правами – индивидуальными и социальными, и в качестве личности с ее конкретными способностями и достижениями, занятой как раз тем делом, что она может исполнять наилучшим образом. Каждый участник таких институтов будет вести полноценную осмысленную жизнь, что позволит постепенно преодолевать экзистенциальные кризисы (заостренно выраженные в словах Гамлета «быть или не быть»), а также другие формы социальных патологий, связанные с пониманием несправедливости общественного устройства в разнообразных ее формах. Тем самым в обществе будет постепенно появляться особая форма свободы, открытая и описанная Акселем Хоннетом – социальная свобода, что предполагает состояние, при котором личность ощущает себя «у себя дома» в рамках социальных институтов, что будут максимально содействовать осознанию и реализации творческого потенциала каждого. Именно такое понимание социальной свободы развил Аксель Хоннет и положил в основу новой формулировки идеи социализма как общественного строя, гарантирующего социальную свободу личности и обществу в целом [Honneth 2015, 42, 45–48]. В этом смысле и можно говорить о постепенном переходе человечества к социализму в глобальном масштабе как раз на основе становления ноономики как нового хозяйственного уклада. Индустриальное общество второго поколения оказывается социалистическим на основе деятельности коммуникативной общечеловечности, которая (и общественность, и ее деятельность) будет постепенно становиться всемирной. Именно так можно избежать срыва человечества в «цифровой концлагерь» и «технотронное рабство» в качестве реализации негативного сценария, когда переход к ноономике не осуществится, а коммуникативная общечеловечность не сформируется или не сумеет адекватно выполнить свою историческую миссию.

Заключение

Идея коммуникативного разума, которая была разработана в трудах мыслителей Франкфуртской школы второй половины XX – начала XXI века, т.е. Ю. Хабермаса и А. Хоннета, позволяет указать на то сообщество, которое призвано поставить экономику под контроль смыслом, связанным в развитии самого человека, с осуществлением его миссии в бытии в целом. Это – сообщество коммуникативной общественности, которое должно сформироваться в связи с теми технологическими и социальными изменениями, что описаны в книге С. Бодрунова и воспроизведены в первой части статьи. На основе деятельности коммуникативной общественности может возникнуть социализм как комплекс взаимосвязанных социальных институтов, которые гарантируют социальную свободу всем и каждому. Идея социализма тем самым оказывается освобожденной от идеологического контекста, характерного для XX века, и может быть по-новому обоснована в качестве не просто посткапиталистической общественно-экономической формации, а в качестве общественного устройства, соответствующего нормам разума, стимулирующего развитие разума во всем многообразии его форм и тем самым развитие человечности в человеке. Ноономика как социально-экономический уклад закладывает материальные и социальные предпосылки для разумного человеческого бытия.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Бодрунов 2018а – *Бодрунов С.Д.* Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018.

Бодрунов 2018б – *Бодрунов С.Д.* Нооиндустриальное общество: шаг к неэкономическому развитию // Экономическое возрождение России. 2018. № 1 (55). С. 5–15.

Гадамер 1988 – *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988.

Зиновьев 2004 – *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. – СПб.: Нева, 2004.

Шачин 2019 – *Шачин С.В.* Коммуникативная теория разума Ю. Хабермаса: Опыт диалектической реконструкции теории коммуникативного действия. – М.: Эдиториал УРСС, 2019.

Шачина 2019 – *Шачина А.Ю.* Идеи нравственного воспитания в рациональной этике И. Канта. – М.: Эдиториал УРСС, 2019.

Шачина, Шачин 2012 – *Шачина А.Ю., Шачин С.В.* Обзор книги: Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. Berlin: Suhrkamp, 2011 // Кантовский сборник. 2012. № 1 (39). С. 91–100.

Habermas 1987 – *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handel.* Bd. 2 / 4. Aufl. – Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1987.

Honneth 2007 – *Honneth A. Pathologien der Vernunft.* – Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2007.

Honneth 2015 – *Honneth A. Die Idee des Sozialismus: Versuch einer Aktualisierung.* – Berlin: Suhrkamp-Verlag, 2015.

Risse 2007 – *Risse Th. Global Governance und kommunikatives Handeln // Anarchie der kommunikativen Freiheit: Jürgen Habermas und die Theorie der internationalen Politik / hrsg. von P. Niesen und B. Herborth.* – Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2007. S. 57–86.

Rosa 2016 – *Rosa H. Geld oder Leben – Über falsche und wahre Bedürfnisse.* – Berlin; Ulrich: Auditorium Netzwerk, 2016.

REFERENCES

Bodrunov S.D. (2018a) *The Noonomics.* Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya (in Russian).

Bodrunov S.D. (2018b) The Nooindustrial Society: A Step towards Non-Economic Development. *Economic Revival of Russia.* No. 1 (55), pp. 5–15 (in Russian).

Gadamer H.-G. (1988) *Truth and Method.* Moscow: Progress (Russian translation).

Habermas J. (1987) *Theorie des kommunikativen Handelns* (4th ed.; Vol. 2). Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag (in German).

Honneth A. (2007) *Pathologien der Vernunft.* Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag (in German).

Honneth A. (2015) *Die Idee des Sozialismus: Versuch einer Aktualisierung.* Berlin: Suhrkamp-Verlag (in German).

Risse T. (2007) Global Governance und kommunikatives Handeln. In: Niesen P. & Herborth B. (Eds.) *Anarchie der kommunikativen Freiheit: Jürgen Habermas und die Theorie der internationalen Politik* (pp. 57–86). Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag (in German).

Rosa H. (2016) *Über falsche und wahre Bedürfnisse.* Berlin: Auditorium Netzwerk (in German).

Shachin S.V. (2019) *The Communicative Theory of Reason by Jürgen Habermas: Experience of Dialectical Reconstruction of the Theory of Communicative Action.* Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Shachina A.Yu. (2019) *Ideas of Moral Education in the Rational Ethics of I. Kant.* Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Shacina A.Yu. & Shachin S.V. (2012) The Review of the book: Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. Berlin: Suhrkamp, 2011. *Kantovskiy sbornik.* No. 1 (39), pp. 91–100 (in Russian).

Zinoviev A. (2004) *On the Way to the Super-Community.* Saint Petersburg: Neva (in Russian).